

Волчья кровь

Автор:

Ульяна Соболева

Волчья кровь

Ульяна Павловна Соболева

Лана: На самом деле этот мир совершенно не такой каким мы его видим и знаем. В темноте ночи, в каждой тени, в каждом тусклом сиянии луны прячутся жуткие чудовища. И одно из них предъявит на меня свои права...

Вахид: Я – император, единственный сын покойного императора династии Ибрагимовых, Азима – предводителя клана Черных волков. По всем правилам я должен найти истинную, жениться и произвести на свет как можно больше наследников трона Волчьей крови. Но вместо избранной я встретил ее – жалкую человечку!

Оборотни, Властный жестокий герой, От презрения до любви Рабство, ХЭ, ФЛР, Мат! Секс! Единороги сдохли!

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Волчья кровь

ГЛОССАРИЙ

Арх – император

Архбаа – мать императора

Архана – сестра императора

Архита – дочь императора

Архит – сын императора

Банахиры – слуги Короля волков

Манхар – руководительница

Сунаг – начальница девушек в секторе 1

Сабар – сирена вечером, после которой выходить запрещено.

Династия Ибрагимовых

Вахид – 567 лет единственный выживший сын королевы Роксаны

Роксана – королева-мать 588 лет

Азиза – сестра Вахида, старшая дочь Роксаны 565 лет

Асма – вторая сестра Вахида, средняя дочь Роксаны 561 год

Аниса – третья сестра Вахида, средняя дочь Роксаны 558 лет

Айше – четвертая сестра горбунья, выглядит как ребенок. 553 года

Гульнара – любимая наложница Вахида, мать его трех дочерей

Дочь – Динара старшая 12 лет

Дочь – Мира средняя 8 лет

Дочь – Мелисса младшая 5 лет

Бахт – муж Азизы, вторая рука Вахида.

Газаль – муж Асмы, враждует с Бахтом, служит Вахиду.

Дагман – муж Анисы искренне предан Вахиду. Занимается бухгалтерией.

Дари – главный евнух гарема

Захир – помощник Дари

Раммар – поверенная Роксаны.

Халида – поверенная Гульнары. Ненавидит Лану.

Самия – имя Ланы данное императором, Мия. Величественная, дорогая, драгоценная.

Деустал – воскрешающий кристалл.

Раис арх ибн Бархам – вассар, что означает министр, визирь. Поверенный во всех делах императора.

Рахамас – еженощное обращение в волка.

Жадран! – Позор язык горных волков

Валкама – полукровка

Эскама – рабыня

Имрах – Аллах

Глава 1

Я хотела продолжать его видеть. Картинка за картинкой, кадр за кадром, строчка за строчкой. Он эгоистично вытеснял всех остальных, он словно пользовался своей властью надо мной. Я создавала чудовище. Монстра. Жуткое животное с инстинктами хищника и убийцы, и, не испытывая ни одной иллюзии насчет этого порождения зла, я все же сходила по нему с ума.

(с) Позови меня. У. Соболева

Знаете, что такое попасть не в то место и не в то время? Со мной произошло именно то, что снится людям в самых страшных кошмарах. Я оказалась не там, где нужно. Оказалась в той самой черной дыре, откуда несчастные жертвы пропадают в никуда. И все, потому что поздно возвращалась от тети Вали из города в наше село Лужки. А еще, потому что ловила попутку у самой дороги, так как опоздала на автобус. Да, я знаю, что ловить попутки плохо, да, я понимаю, что молодую восемнадцатилетнюю дурочку могут убить, изнасиловать и выкинуть на обочине, но у меня не было выбора, а еще я и подумать не могла, что со мной, и правда, что-то может случиться. Особенно вот такое...никто в здравом уме и трезвой памяти не представит себе...что на самом деле этот мир совершенно не такой, каким мы его видим и знаем. И в темноте ночи, в каждой тени, в каждом тусклом сиянии луны прячутся жуткие чудовища. И одно из них предъявит на меня свои права...

Я должна была ехать домой побыстрее. Там мама...она нездорова, а тетя Валя – провизор и помогла лекарства достать. Еще мне утром рано на работу в кофейню. Вдалеке показался свет фар, снежинки замельтешили в ярких лучах, рассекающих темноту. Наконец-то спасительная попутка. В такую погоду просто чудо, что так быстро, я даже еще сильно замерзнуть не успела.

Но вместо попутки тормознул полицейский УАЗик, и оттуда буквально выкатились два толстых мужика в форме. Я вначале обрадовалась. Можно их попросить подбросить меня в город. Но радость пропала мгновенно, как только увидела их лица и то, как потирают руки, глядя на меня, а потом друг на друга.

– Что делаешь здесь, а, шлюшка?

Словно пощечину отвесил, так, что вздрогнула и назад отступила. Я не одета вызывающе. На мне дешевый полушубок из искусственного меха, непрозрачные тёплые темные колготки, юбка чуть выше колен и невысокие сапожки, на голове черный берет. Он скрывает мои каштановые, длинные волосы, заплетенные в косу. На таких, как я, на улице не заглядываются и вслед не оборачиваются. Разве что в кофейне облапать пытаются всякие, но там даже тетю Клаву хватают за зад. А ей за шестьдесят и весом она за центнер.

– Знаешь, что за это штраф, а? Вам на улице запрещено в этом месте стоять!

Я не сразу поняла, о чем они, но, когда здоровяк окинул меня с ног до головы плотоядным взглядом, плотнее укуталась в полушубок. Мне не понравилось, как он на меня смотрит.

– Давай, делись, сучка! Что успела насосать?

Это он мне? Так грубо? За что?

– Я...я...автобус жду. Опоздала. Мне в Лужки надо. Я от тети. Она заболела, я лекарство отвозила. Меня мама ждет тоже больная. Подвезите меня в село, пожалуйста. Дяденьки...

– Ты б еще папиками нас назвала. Ыыыы. Сказочница, а, видал. Мама ее ждет. Это ты так сутенёршу называешь? Бася тебя крышует?

– Кто?

Понятия не имела, о чем они говорят. Но становилось все холоднее и страшнее.

– Так, давай косарь и стой дальше, или лезь в машину.

– Какой косарь?

– Слух, а может, мы ее того. Пусть расплатится по-другому? Смотри, какая хорошенькая, свеженькая, глазастая, губастая. Ууух, губки. Я б ей вдул.

До меня только начал доходить смысл их слов, а они оба на меня пошли, набычившись. Один пошлепывает палкой по ладони.

– Давай. Сюда иди, цып-цып-цып...Обслужи нас. По блату бесплатно.

Рядом с их машиной вдруг тормознула еще одна с крутыми номерами. Три шестерки и три буквы «Д». Черный небольшой минивэн. Оба мента тут же вытянулись по струнке.

– Твою мать! А эти откуда взялись? Что, следили за нами?

– Не знаю! Заткнись! Номера видишь?

Я с облегчением выдохнула, но сердце продолжало адски биться прямо в висках. Но ведь это спасение, да? Какое-то их начальство, и меня не тронут, правда же?

Из машины никто не вышел, только стекло приопустилось, и одного из жирных кто-то позвал. С заискивающим выражением лица он бросился к тачке. Какое-то время они говорили. Я слышала, как мент заржал, потом повернулся к своему другу.

– А хер ее знает, шалава. Нашли на дороге. Машины тормозила. Как тебя зовут, кукла?

Он обратился ко мне, а я, тяжело дыша, смотрела то на одного, то на другого.

– Лана...Светлана Лебедева. Мне восемнадцать. Я в кофейне работаю. В Лужках...я домой. К маме еду. Я не эта...

- Ну да. Я не такая - я жду трамвая. А ну сюда иди, Света Лебедева!

Но мне стало страшно, почему-то до дикости страшно, и я отрицательно качнула головой. Нееет. Я к ним не пойду. Надо бежать. Надо мчаться к лесу. Что-то не так с ними. И с ментами, и с этими в минивэне.

- Кудаааа?! - взревел один из ментов. Они догнали меня в два счета, скрутили и потащили к машине. Когда забросили в кузов, я больно ударилась о пол. Дверцы захлопнулись. А потом я услышала два хлопка. Минивэн сорвался с места... позже, спустя время, я пойму, что это были за хлопки. Тогда я еще ничего не соображала, стояла на четвереньках в кузове. И меня тошнило от страха, холода и от того, что мое тело швыряло из стороны в сторону. Когда при повороте завалилась на бок, оказалось, что я там не одна. На кого-то наскочила и от неожиданности закричала.

- Осторожно, невдалая. Сядь. Хватит качаться!

- И не ори!

В кузове я не одна. Со мной еще девушки. Они сидят в полной темноте у стены.

- Она явно не в теме.

- Потому что человек.

Что? О чем это они? Обо мне? Или о чем? Почему меня сюда бросили? Куда нас везут? В город? Это тоже полиция... а эти девушки. Может, они проститутки, и меня перепутали?

- Мне пахнет даже ее сердцебиение. Какого хрена ее к нам бросили?

- Так может, это обед?

Послышался тихий смех. Я никого не видела, но зато они прекрасно видели меня. И от этого становилось еще страшнее. Потому что никто из них не боялся. Только меня трясло от ужаса. Машина затормозила, и двери открылись. Я в страхе попятилась назад, успев рассмотреть женщин в полумраке от фонарей,

освещающих трассу.

– Хоть волосок! – прорычал тот, кто приоткрыл двери и ткнул длинной палкой, на конце которой поблескивали голубые сполохи. Мне показалось или кто-то внутри машины зашипел, как дикая кошка. – Я вам зубы повыдергиваю и руки поотрываю!

– Какого хрена она здесь, Ром? Зачем подобрал? Мы на полпути уже!

– Тебя забыли спросить! За девками смотри! И чтоб эту ни пальцем. Приказ у меня. Не перед тобой отчитываться. Персонал им потребовался. Рвань подбираем. Эта как раз подойдет.

– Отпустите меня..., – тихо прошептала, – меня мама ждет, у нее сердце больное, пожалуйстаааа!

В ответ я услышала только, как захлопнулись дверцы минивэна, и бросилась к ним. Принялась стучать кулаками. Колготки порвались, и я чувствовала адский холод, исходящий от пола.

– Уймись!

Прикрикнула на меня одна из девушек, но меня все сильнее накрывало паникой. С головой. Так, что от ужаса не оставалось сил собраться и перестать кричать и биться.

– Забудь про мать. Ты ее больше никогда не увидишь! И хватит орать...а то тебе свернут башку!

Я поискала в темноте ту, кто говорил со мной, но кроме силуэта никого не увидела. Разве что блеснули чьи-то глаза...словно белым фосфором.

И какая-то жуткая мысль промелькнула, которая заставила всю похолодеть еще больше. Мой отъезд может не выдержать моя мама. Ее мир и так рухнул...потому что папа умер в больнице от пневмонии. Совершенно здоровый и крепкий мужчина не выдержал обычного гриппа и ушел из-за осложнения на легкие и на сердце, а мама...мама все еще отходила от этой болезни. Папина

смерть – адская неожиданность для нас с мамой. Все держалось на папе...Его проекты погорели, мы остались должны всем тем, кто выплатил ему аванс, с кредитом на дом и кучей долгов из-за похорон. Так как оказалось, что на счету у папы не было ни копейки.

– Кккто свернет?

Тихо спросила, не прекращая стучать зубами.

– Банахиры.

– Кто?

– Ты что, с какого неба рухнула? Банахиры – это ЕГО слуги!

– Кого его?

– Короля! Тупая человеческая идиотка!

Я замерла и перестала дышать. Они здесь все больные. Я попала в машину к сумасшедшим, и меня никто из нее не спасет. Нас везут в психушку или будут проводить опыты. И... и почему они называют меня человеком. Разве они сами не люди? Это просто я тоже схожу с ума. Я замерзла и на самом деле лежу на той остановке...

– Королей...давным-давно нет. Разве что в Европе, но...

– Есть, просто ты живешь в своем человеческом тупом мирке! Вас оберегают, чтоб вы не знали, что происходит на самом деле, и кто вами правит.

Зашипела на меня все та же девушка. Теперь я начала различать в полумраке ее длинные темные волосы и...очень светлые глаза. То ли свет так падал, то ли у меня галлюцинации, но ее глаза... моментами мне казалось, что они светятся. Какое-то время я сидела и, тяжело дыша, кусая губы, смотрела в темноту. Меня отпустят. Я не с ними, и меня должны отпустить. Да. Это какое-то недоразумение.

– Я голодна...какого хрена она так пахнет. Я сейчас с ума сойду, я....

– Тихо! Сказали не трогать! Ослушаешься и сама знаешь, что будет!

– Не будет. Мы избраны для короля!

Снова они говорят о короле. Какой король, если разве что это не кличка. Они ненормальные.

В темноте мне показалось, что рядом со мной кто-то щелкнул зубами, и я вздрогнула. В воздухе появился смрад, как будто рядом мокрая псина. Кого сказали не трогать? Кто сладко пахнет? Боже... я не могу этого слышать, мне очень страшно и плохо.

Когда машина остановилась, я первая бросилась к двери. Меня тут же схватили, и я закричала:

– Отпустите меня! Я не с ними! Я не с нимиииии!

– Закройте ей рот! Пусть перестанет орать!

Это сказала женщина с высокой прической, стройная и очень красиво накрашенная. В ее руке тетрадь, золотая ручка. Она что-то записывает и смотрит поверх моей головы.

– Наталья Владимировна, она...

– Я знаю. Таково пожелание архбаа Роксаны. Их будет несколько. А твое дело – не задавать много вопросов. Уведи ее и научи молчать. Научи элементарным правилам. Пусть их всех вымоют и переоденут. Воняют какой-то дрянью. Человечек отдельно.

Мои руки скрутили за спиной и потащили меня по широкой дороге к высоченному особняку, окруженному массивной, очень мощной стеной с колючей проволокой сверху.

Глава 2

Заблудилась в себе, как в лабиринте. Нет ни одной двери, ни одного окна. Только извилистые пути, вымощенные битым стеклом, лезвиями, шипами, колючей проволокой и все они ведут к нему. В его Ад. И я иду, с завязанными глазами, в крошечной темноте, мне слышно только удары моего сердца. Не могу остановиться. Истекаю кровью, режусь до мяса, натыкаюсь на стены, как слепой котенок, боюсь каждого шороха, но все равно иду, ползу, бегу. И это не он меня зовет... это я его позвала. Это я искала.

(с) Ульяна Соболева

- Вас будут обучать шить, вышивать, стирать, гладить, убирать и ублажать Повелителя.

Она ходила вдоль рядов, а мы стояли по стойке смирно. Испуганные, уже успевшие хлебнуть «пару уроков» от руки Наставницы, пока сидели в карантине. В помещении, где нас каждый день чем-то опрыскивали, кормили всего лишь раз в день и брали анализы крови, мазки, осматривали разные врачи.

- И сдохнуть в первую же ночь под зверем?

Ее поворот был резким. Свист указки, и девушка громко вскрикнула, прижала руки к лицу, сквозь пальцы засочилась алая струйка крови. Манаг - наша Наставница. Ей чуть больше сорока. Она тучная, высокая с румяными щеками, мясистым носом и большими голубыми глазами навывкат. Ее пепельные волосы собраны в пучок на макушке и прикрыты белым крахмаленным кокошником. У нас у всех на головах белые кокошники. У рабынь, а мы теперь именно жалкие рабыни, небольшие кокошники, заостренные по бокам. Они больше напоминают корабли. На нас длинные темно-коричневые платья, крахмаленные передники с пышными рюшами на плечах, высокие чулки из грубой шерсти и одинаковое нижнее белье. Тоже смертельно белое. За каждое пятнышко на переднике, трусах, лифчике Манаг выпорет кнутом по рукам. Потому что мы - вещи. Мы рабыни. Нас можно даже убить, и на наше место всегда найдется другая.

И Манаг сейчас как раз об этом скажет.

– Вы все – рабыни и принадлежите императору Вахиду. Ваша каста самая низшая. Запомните: вы – НИКТО. Большими заглавными буквами. Вы даже не мясо, потому что оно хранится в морозилке месяцами и создано насытить, вы – пыль или грязь, которую можно уничтожить в два счета. Низшие существа. В этом доме вы даже не предмет интерьера. И чтобы как можно дольше остаться в живых, со всеми частями тела и без уродливых шрамов – всего лишь нужно соответствовать правилам. И вы их должны были выучить наизусть. Это огромная честь для вас прислуживать в этом доме, а не быть теми, кем вы были в прошлой жизни. Кстати, о ней нужно забыть навсегда – обратно вы не вернетесь. Никогда. Первое правило, Номер Три?

Ткнула указкой в одну из девушек, на чьем платье красовалась аккуратная цифра «три», как и на манжете на рукаве. В прошлой жизни ее звали Александра.

– Первое правило – мы вечная собственность Великого Императора Вахида Ибрагимова!

– Верно, умница. Второе правило, Номер Пять!

– Второе правило – молчать, пока не позволили говорить. Не дерзить, обращаться к хозяевам по титулу, не смотреть в глаза и становиться на колени при их появлении. При обращении к рабыне целовать хозяйскую обувь.

– Верно. Какое правило идет следующим, а? Номер Одиннадцать?

Я вздрогнула и судорожно глотнула воздух. Так как указка ткнулась мне прямо в грудь.

– Третье правило – соблюдать чистоту во внешнем виде и во всем доме. Не трогать руками хозяйские вещи. Всегда носить перчатки, чтобы на предметах не оставался запах нашей кожи.

– Расскажи о наказаниях. Какие наказания и за что ждут рабыню при нарушении законов?

Манаг приподняла мое лицо указкой за подбородок, и мне стало еще страшнее, и в то же время внутри все ворошится, бунтует, переворачивается. Как они смеют с нами вот так. Как... с животными, еще хуже. Потому что у животных есть имена или клички. А у нас только номер...он вышит даже на нашем нижнем белье.

- Один из самых тяжелых проступков - воровство. За него можно лишиться рук. За попытку побега - ноги. За касание предметов руками - пальцев. За наглый взгляд на хозяев - глаза. За грязное белье или одежду - волос. За грубый ответ - языка или зубов. За флирт с особами мужского пола - груди, гениталий или жизни.

Произнесла и сама похолодела от ужаса.

- За что еще можно лишиться жизни, Номер Семь?

- За побег, за заговор, за убийство!

- Любой проступок влечет за собой наказание. От одного удара до нескольких. Номер Одиннадцать назвала вам самые тяжелые проступки. Есть и другие, за них наказание менее строгое, но оно обязательно последует. Вам запрещено после одиннадцати вечера бродить по дому. У вас нет никаких привилегий. Вы - низшие. Если вас позвали в спальню к Повелителю, будьте готовы ублажить его и сделать все для его удовольствия. Одна из дисциплин - это половое воспитание и изучение эrogenных зон господина, а также методов ублажения. Есть так же тренировка генитальных мышц, роспись тела, гимнастика, танцы.

Да, для многих ночь с Императором станет единственной и последней...но в том ваше предназначение. Вы не наложницы, не любовницы и уж тем более не жены. Вы лишь расходный материал. Расписание ваших дисциплин висит возле класса. Запомните его и никогда не опаздывайте. Подъем в пять утра. Сегодня банный день. Вас всех вымоют, выдадут вам одежду, шкафчики и предметы личного туалета. Ваш карантин окончен. Завтра вы приступаете к работе.

- А...смотрины будут?

- Кто это сказал?

Все вздрогнули и посмотрели на Номер Шесть. Манаг медленно подошла к ней.

- Открой рот.

- Простите, госпожа Наставница!

- Открыла рот, я сказала. Вот так. Высунь язык.

- Пожалуйста, не надо!

- Язык! Или его вообще отрежут!

Номер Шесть высунула язык, и Манаг кольнула его длинной толстой цыганской иглой. От боли девушка подпрыгнула.

- Молчание! Говорить, когда я разрешила! Обращаться только подняв руку вверх. Если я позволю - вы заговорите! Понятно? Все ответили!

- Даааа!

Нестройным хором.

- За мной!

У нас была общая комната на двенадцать человек, по шесть кроватей друг напротив друга. Белые стены, белый высокий потолок, ослепительный свет и подвальное помещение с двумя окошками под потолком. У каждой кровати - тумбочка, а в коридоре - общий шкаф с ящиками. У девушек ключ от шкафа с их личным номером. Вещей самый минимум. Две формы, две пары нижнего белья, две пары чулок, одна пара обуви. Подъем в пять утра, потому что нам нужно умыться в общей уборной, уложить волосы в косу, закрепить на затылке, отутюжить форму, фартук и кокошник, предварительно успев забрать из стиральной комнаты. Каждую неделю там дежурит одна из девушек. После двенадцати дня мы занимаемся уборкой, стиркой, глажкой, садом, кто-то помогает на кухне.

Во всем доме зеркально чисто. Настолько чисто, что кажется запахом этой тошнотворной чистоты пропитался каждый уголок. Но в то же время...мне навязчиво казалось, что в доме есть запах псины. Но не противный и едкий, а какой-то мускусно-животный, словно в помещении присутствует какой-то зверь.

После одиннадцати вечера нас запирают в комнате снаружи. Дверь железная с засовом. Можно подумать, кто-то из нас решится сбежать. Здесь слово лишнее страшно сказать, не то, что попробовать удрать. Да и как? Весь периметр настолько тщательно охраняется, что кажется, и муха не пролетит.

Каждый день мы учились той самой пресловутой покорности, о которой говорила Наставница. У каждой был хотя бы единожды исколот язык, и остались шрамы на руках от удара указкой. Я была одной из тех, кому постоянно доставалось. Мой маленький рост не позволял мне достать до края кровати, чтоб завернуть покрывало красивым рубчиком, и за это я получала по запястьям почти каждый день. А еще на меня цеплялась то шерсть, то какие-то пятна на фартуке, так что в «стиральной» я дежурила уже раза три.

По ночам, после того как у всех срабатывал датчик на отбой, я лежала в кровати с зудящими руками и ногами и от усталости не могла уснуть. Я так и не поняла, где мы, на кого работаем. Этот дом был похож на дворец. Слишком огромен. На первом этаже живут наложницы...Так мне рассказали. Это девушки, которых отобрали удовлетворять Повелителя. Они какие-то особенные. Не низшая каста, как мы. Я видела нескольких издали. Они гуляли в саду со своей Наставницей. Одеты роскошно, причесаны. От них исходит лоском и шиком, они изысканны, как танцовщицы, ослепительны, как модели, изящны, как статуэтки. Они смеялись...казалось, что они вполне довольны своей жизнью. Значит, она не такая адская пытка, как наша.

Я смотрела в потолок и представляла себе маму. Как она меня ищет, как бежит по полицейским участкам, звонит в больницы и морги. И никто не скажет ей, где я...потому что тех двух полицейских убили. Номер Восемь сказала мне вчера, что вряд ли их оставили бы в живых.

– Они не оставляют следов. Они уничтожают всех, кто мог бы их обнаружить. Я приехала на съемки в студию, нашла фирму по объявлению. Фото в стиле «ню». Очнуться не успела, как фотографа убили, а меня выносили через черный ход. Голую. Не смотри на меня, делай вид, что сажаешь цветы, иначе они поймут, что мы разговариваем.

Я погрузила руки в перчатках в землю, закапывая корни луковицы в почву.

- Потом ты просто исчезнешь без вести.

- Откуда ты все это знаешь.

- Рассказали. Я здесь уже не первый год...но у нас текучка. Долго никто не задерживается. Мы же грязь.

- А почему ты задержалась?

- Номер Одиннадцать, встать!

Я подорвалась и тут же опустила голову, глядя на свои ноги.

- Язык.

Покорно высунула язык, и от боли слезы брызнули из глаз, когда кончик сильно укололи иголкой.

- Еще семь таких проступков, и отрежем кусочек. Ты мазохистка, Номер Одиннадцать?

Отрицательно качнула головой и проследила затуманенным взглядом за тяжелыми ботинками Манаг. Сука. Какая же она мерзкая сука. И как только успеваешь за всем уследить и наказать. Всегда наказывать. С особым наслаждением. Говорят, она раньше была одной из нас, не возвысилась до наложницы, но выжила и стала наставницей. Хозяева ее любят...Хозяева. Я так и не видела ни одного из них. Ни разу. Убирать их покои нас еще не пускали.

Мамочка...ты держись. Я найду, как отсюда выбраться или как сообщить тебе, что я живая. Ты только дождись, ты только постарайся никому не верить.

- Что значит смотрины? - едва слышным шепотом, пытаюсь рассмотреть в крошечной тьме Номер Восемь. Она тоже не спит. Я знаю.

- После них тебя посвятят...но если не понравишься Роксане...то могут и выгнать.

- Выпустить?

- Не знаю. Но те, кто ей не нравились, больше сюда не возвращались.

- Кто такая Роксана?

- Архбаа. Королева-мать. Всем здесь заправляет она.

- А как ей можно не понравиться...

- Тсссс.

Мы обе замерли. По воздуху прополз ультрафиолетовый луч, задрезжал возле нас, остановился. Словно ощупывая, прислушиваясь. Мы старались дышать размеренно, притворяясь спящими. Луч пополз дальше, и до утра мы больше с Номером Восемь не разговаривали.

Глава 3

Я не люблю его, да и как можно любить непостижимое, любить того, кто никогда не станет точкой, только извечным многоточием? Я не люблю его, он не мартини и не шампанское, чтобы любить его, измеряя глотками. Он - смертельный яд, который убивает изо дня в день, заражая наркотической зависимостью и диким кайфом от каждой дозы его присутствия, превращая меня в сумасшедшее, дикое существо, жаждущее этой отравы и агонии от мучительной ломки. Я не люблю его, потому что любовь - это спокойствие и созидание, а он мой смерч, мое стихийное бедствие, мое извечное разрушение всех запретов и законов, навязанных проклятым обществом

(с) Ульяна Соболева

– День посвящения – один из самых важных дней в вашей никчемной жизни. В этот день наша великая Госпожа и наш Повелитель явят себя вам, как высшее благо. Вы не имеете права смотреть на них и разговаривать с ними.

Манаг прошла мимо нас, выстроенных в шеренгу возле комнаты в коридоре. Уже одетые в белые одежды и кружевные фартуки мы стояли, не смея шелохнуться и тяжело дыша. Инициации боялись, как огня. Все девушки с самого утра дрожали от страха. Нам кусок в горло не лез. Это жуткое ощущение, что сегодня произойдет нечто необратимое, и дороги назад уже никогда не будет.

– Если вас отберут для работы на половине господ, вы будете удостоены великой чести носить клеймо и метку хозяина. С этого момента вы станете числиться официально, как обслуживающий персонал дома Правителей Ибрагимовых. По этому поводу вечером будет праздник, и вас вкусно накормят. Затем вы разойдетесь в свои сектора для работы. Вас распределят между членами королевской семьи. Учеба продолжится в прежнем режиме.

Номер Шесть подняла руку.

– Сейчас не время для вопросов, Номер Шесть!

Но она упорно продолжала держать руку, и мне стало за нее страшно.

– Хорошо! Спрашивай! – снисходительно сказала Манаг. Она явно была в хорошем расположении духа.

– Зачем...зачем каждой из нас учиться, если мы ничего из себя не представляем? Зачем все эти дисциплины, танцы, уроки изящества?

– Таковы устои этого дома, что даже такие ничтожества, как вы, имеют право на образование. Все. Хватит этих дурацких вопросов. Собрались и пошли за мной! Правила все помнят?

Я посмотрела на Номер Восемь, а она на меня. Если она здесь несколько лет, и ее так и не выбрали...то почему она все еще здесь?

– Номер Восемь! Сегодня твоя последняя попытка, если Госпожа не выберет тебя, ты будешь отчислена.

– Отчислена? – она спросила это совсем не с радостью, а с испугом. И я в недоумении посмотрела на нее. Чего она боится? Почему не рада? Ведь если ее отчислят, то ее не станут держать в этом доме и...она освободится.

– Я прощу тебе твой вопрос без разрешения, потому что сегодня великий день. Ночь перед полной луной в нашем доме сама по себе является праздничной. Сегодня одна из наложниц взойдет на ложе Повелителя, а через месяц мы узнаем – даровал ли нам Имрах наследника.

Мне кажется, они живут в другом измерении. В каком-то своем ужасающем мире, где происходят все эти кошмары. Ведь такого не может быть. Там, за оградой есть совсем иная жизнь. Иные законы. Нормальные...человеческие. Там нет этих странных названий и нечеловеческих правил. Неужели никто не знает, что происходит за стенами этого жуткого дома? Неужели полиция закрывает на это глаза?

На улице очень холодно. День солнечный, но морозный, и мы идем по вычищенной от снега дорожке из матовых черных плит. Идем в сторону самого пятиэтажного особняка с огромной площадкой перед ним, украшенной высокими статуями извивающихся в танце женщин и пляшущих вокруг них волков. Статуи женщин белые, а волки черные, и на фоне снега кажутся словно живыми. Нас провели на пустой участок возле выключенного фонтана с хрустальной имитацией струй словно изо льда. Холодный воздух пробирается за воротник длинного плаща, покалывает руки в перчатках, щиплет лицо. Мы одеты тепло, но недостаточно, чтобы не ощущать минусовую температуру воздуха. Манэг считает, что нас нужно закалять, и слабачки им не нужны. Если кто-то заболеет и умрет, туда ему и дорога.

– Выстроиться по три человека. Смотрим на свои ботинки. На госпожу не глазеть, особенно на Хозяина. Не болтать! Когда вас назовут по номеру – выйти вперед, стать на колени, поцеловать ботинки госпожи и Хозяина.

Сердце тревожно бьётся, и, кажется, я сейчас лишусь сознания от ужаса, холода и суеверной паники.

– Приготовиться встретить Великого Императора Вахида Ибрагимова и Великую архбаа Роксану. – крикнул глашатай зычным голосом и вытянулся по стойке смирно. На нем черная аккуратная форма, похожая на полицейскую. На рукаве белым вышиты инициалы «V.I» латинскими буквами, и изображен волк с раззявленной пастью.

Все склонили головы и замерли, стиснув руки перед собой в молитвенном знаке, ладонь к ладони. Что ж, сегодня я сделаю все, чтобы не понравиться этой Роксане, и пусть меня выгонят. Не велико счастье жить в этом жутком доме-тюрьме. Лучше пусть меня вышвырнут на улицу. Я придумаю, как вернуться домой.

– Не вздумайте что-то выкинуть!

Словно читая мои мысли, прошипела Манаг и щелкнула в воздухе указкой, постукивая ею по ладони.

– Дорогу!

И я не смогла сдержаться, я приподняла голову и посмотрела на приближающихся к нам женщину и мужчину в сопровождении целой свиты охранников. Женщина шла впереди. Невысокая, грациозная, черноволосая, одетая в темный элегантный костюм, в шикарном полушубке, с отливающим и блестящим на солнце мехом, как и драгоценности на ее шее и руках. Она красивая и величественная. Какой-то звериной необычайной красотой, а потом я посмотрела на НЕГО...

Меня словно током пронизало. Наверное, в эту секунду я поняла, почему смотреть нельзя. Потому что в этот момент начинался мой апокалипсис. Вместе с осознанием, что это не человек, приходило понимание, что он и нечеловечески красив. И смотрела я только на него теперь. Словно все исчезло вокруг, весь мир закончился и время остановилось. И никогда в своей жизни я еще не ощущала настолько явственной гипнотической силы и бешеной власти. Абсолютная, величественная, покоряющая стихия. Как будто пред тобой некто из потустороннего мира, некто, перед кем колени сами гнутся и хочется пасть ниц.

Он ступает тяжелой, но в то же время грациозной поступью, выбивая тысячи белоснежных искр из-под массивной подошвы сапог. На нем длинное черное

пальто, и ветер треплет жгучие черные волосы. Полы пальто распахнуты, и мне видна черная рубашка, блестящие пуговицы жилета.

Еще никогда в своей жизни я не ощущала чье-то превосходство настолько явственно. Как будто одна поступь этого мужчины заведомо превращала меня в жалкую букашку, в былинку. И те, кто идут сзади, вытянуты в струнку, они жалкие плебеи в сравнении с ним и знают об этом, и от того кажутся ниже ростом, примитивнее.

Дорога изгибается так, что все пройдут мимо нас и остановятся напротив. От понимания, что увижу его так близко, сердце зашлось и начало биться во много крат сильнее. Все впали в оцепенение. Замерли. Значит не на меня одну появление хозяев произвело такое впечатление. Зимнее солнце засияло еще сильнее, ярче, отблескивая в снегу словно переливающимися бриллиантами.

– В землю! – грозный окрик Манаг, и я уже смотрю на носки своих ботинок. Сегодня на мне даже ботинки белые. Почти как сам снег. Но какая же я жалкая и убогая в сравнении с НИМИ.

Хозяева приближаются, и я слышу скрип снега под их ногами...Особенно под его сапогами. Или мне кажется, что слышу только их. А перед глазами все еще высокий силуэт с широкими плечами, черное пальто, отороченное таким же черным мехом по краю воротника. Было в этих ощущениях нечто настолько обреченное, что мне стало самой страшно от этого невозможного биения собственного сердца. И я уже точно знаю, что не смогу забыть, как этот НЕчеловек идет ко мне издалека...словно все замедлилось, и сам воздух застыл, кристаллизировался искринками льда, и сквозь них проходит мощный и властный зверь с не по-людски прекрасным лицом и телом самого дьявола. Наверное, вот так человек предчувствует собственную смерть. Или нечто ужасающе неотвратимое. Так я предчувствовала, что теперь моя жизнь больше никогда не будет прежней. Я услышала, как выстрел у самого сердца...еще секунда, и пуля войдет в мякоть плоти, чтобы застрять там навсегда.

Они прошли совсем близко. Вначале женщина – величественная, как сама ночь, с ярким точеным профилем, алым ртом и высоко уложенными волосами с прямой спиной. И ОН...следом за ней на расстоянии пары метров. Мгновение, и мое глупое человеческое сердце уже не бьется. Оно растерянно застыло. И веки медленно приподнялись, так же медленно и в то же время какие-то считанные наносекунды – я увидела его профиль. Не знаю, что это было, но все тело

покрылось легкими и мелкими мурашками с ног до головы, сердце зашлось, и там внизу живота стало тяжело, словно начало резать тоненькими лезвиями. И эта боль чувственно отозвалась разлившимся по всему телу жаром. Наверное, люди испытывают это, когда летят в пропасть. В нирвану. В глубины самого дикого и безумного ада. И я точно знаю, что никогда в своей жизни не видела и не увижу мужчину красивее него. Настолько ослепительного, что у меня резануло глаза. Эта невероятная симметрия черт, эти скулы, линия рта, жесткого идеального подбородка, ровного орлиного носа, бровей и невероятно светлых глаз. Я еще не вижу их цвет, но мне кажется, что я не смогу выдержать его взгляд. Я умру от благоговения и задохнусь от его невыносимой красоты.

Внутри появилось бешеное желание упасть на колени и заглянуть в его лицо, чтобы зайти от этой красоты снова. Она говорила нам о рабстве...Манаг. Но до этой секунды я и понятия не имела, что это такое. Ничто и никогда не вызывало у меня желание медленно упасть в землю и позволить пройти чьим-то ногам по твоей спине. Вот она вирусная болезнь, когда заражение произошло на молекулярном уровне от одного взгляда на источник адской смертельной энергии. Еще никогда я не смотрела на мужчину таким взглядом. Еще никогда мужчина не привлекал меня и не вызывал того утонченного жара во всем теле.

Но от всего его образа исходит мрачный холод, темная и замораживающая аура адской красоты, от которой не расцветают цветы, а мертвеет все живое. Не созидательной, а разрушающей все живое. Сердцевина самого зла, в котором распускается огненный бутон алчной плотоядной жадности. И мы всего лишь пища. Некое жалкое подобие десерта...или аперитива. Как же презрительно изогнуты его губы. Он не смотрит ни на одну из нас. Его подбородок вздернут, спина ровная, как у солдата. И он напоминает мне гордого и опасного зверя. Хищника. Не голодного, но настолько опасного и дикого, что в любую секунду разорвет тебя на части.

Молниеносный взгляд в толпу. Свысока. Взгляд Властелина и Хозяина всего живого. И снова сердце пропустило удар, ихватило дух. Я увидела его светло-зеленые глаза. По-волчьи яркие и прозрачные. Они холодные и горячие одновременно. Все мое тело задрожало, а ладошки стали влажными, и я не могла опустить глаза. Понимала, что если заметят – то я ослепну, но в тот момент я бы согласилась и на это. И снова этот терпкий запах зверя, вперемешку со свежестью лесного ветра и снега. Я смотрю вслед, кусая губы, чувствуя, как обязана отвернуться, как обязана прекратить глазеть, и понимая, что каждая секунда моей жизни может стать последней. Но во мне в ту секунду

не осталось страха, не осталось стыда, не осталось совершенно ничего кроме жадного желания ЗАПОМНИТЬ его силуэт. И все внутри меня трепещет, разрывается на кусочки.

Они остановились напротив нас. Справа женщина, рядом с ней слева ОН, позади в шеренгу выстроилась охрана.

– Сегодня великий День и Великая Ночь месяца, когда луна совершает свой огненный круг на небе. Это день для посвящения и для великого обряда. – говорит женщина. У нее зычный, грудной голос. Он завораживает и обволакивает. Он полон благородства и какого-то пафоса, внушающего суеверный трепет. Слово даже ее голос дает вам ощутить всю степень превосходства этого существа над вами.

– Сегодня многие из вас будут избраны и получают свою метку, свое имя и своего личного хозяина. Несомненно, вы принадлежите только одному Повелителю – моему венценосному сыну Вахиду, но также вы будете исполнять свои обязанности по дому, а значит, у каждой из избранных появится свой господин. Наставница Манаг – список!

Глава 4

Разве можно любить извечную войну до крови, до ран, до боли и до оголенных нервов? Войну, где я заведомо давно проиграла, но я бы лучше перестала дышать, чем прекратила это кровопролитие хоть на секунду. Я не люблю его....я с каждым днем, с каждым часом, секундой и мгновением не люблю его всё больше и больше, выше и выше...а может быть ниже...Не люблю там, где нет дна, во тьме, где мне не страшно утонуть и заблудиться в нём, теряя саму себя. Я не люблю его, потому что слова ничего не значат, потому что это больше, глубже, страшнее и опаснее, чем просто любовь...этому нет названия, этому не нужен ни один перевод в мире. Это то, что он чувствует, даже когда я молчу...это то, что можно увидеть в моих глазах или в слезах, дрожащих на моих ресницах, когда я замираю от счастья, едва услышав его голос, или холодею от раздирающей тоски по нему. Он можешь ощутить это кончиками пальцев, касаясь моей кожи...или услышав биение моего сердца и прерывистое дыхание.

(с) Ульяна Соболева. Позови меня

– Номер Одиннадцать!

Зычно произнесла мой номер архбаа. Королева-мать. Неожиданно. Именно мой номер. Почему не первый, не второй, не шестой, а именно мой! И как же передергивает от осознания, что я настолько никто. Настолько никчемная пыль.

– Я – Светлана! – произнесла и подняла на нее взгляд. От собственной наглости все тело зашлось от дрожи и дыхание сбилось. Но если бы не сказала, не я была бы это. А кукла. Мясо. Никто. Я не считала себя никем...Пока...

На меня обернулись все. Как по мановению волшебной палочки, как будто присвистнул невидимый манок, и каждая собака услышала команду «фас». Меня схватили за шиворот, толкнули вперед, опуская насильно на колени.

– Как она осмелилась?

– Какая наглость!

– Ее казнят прямо здесь?

– Боже, что теперь будет!

– Кошмааар!

– МОЛЧАТЬ!

Голос Манаг заставил девушек перестать шептаться в изумлении. И воцарилась адская тишина. Только мое собственное дыхание. Меня держат за шею, тыкая лицом в снег прямо у носков аккуратных сапожек архбаа. Стало жутко...я почему-то вдруг поняла, что значит «выгнать» или «отпустить» – это вовсе не вернуться домой – это умереть. И, возможно, прямо здесь и сейчас.

– Прикажите отрезать ей голову, госпожа! И ваш приказ выполнят немедленно!

Всхлипнула и втянула поглубже воздух. Увидела, как белые сапоги отступают, и на их место тяжело становятся другие – черные, начищенные до блеска, с налипшим по бокам снегом. На пряжке тяжелый вензель с буквой «В». Она похожа на римскую цифру «5», по-готически изогнута, и мне вдруг кажется, что на ее краях застыли капли крови. Дыхание перехватывает, и я больше не могу пошевелиться – потому что знаю, кто стоит передо мной. Собственное сердцебиение заставляет трястись всем телом. Я ощущала его взгляд физически. Каждой порой на своей коже. Он смотрел на меня сверху вниз с вершины своего величия, и я вдруг подумала о том, что принять смерть от его руки, наверное, и есть истинное блаженство. Боже! Что со мной не так! Разве все эти люди не боятся его, разве не проскальзывает в их страхе благоговейная ненависть? А я? Почему я стою перед ним на коленях и...боюсь, что меня сейчас поднимут и оттащат от него в сторону, не дадут дышать тем же воздухом. И...это понимание. Ведь передо мной не человек. Зверь. И запах у него звериный, мускусно-терпкий, едкий. Так пахнет в клетке с хищником...и моя реакция на него неправильная, ненормальная.

Меня ткнули носом ниже, и я невольно схватилась за сапоги руками, а потом прижалась к ним дрожащими губами. Как нас учили. И по-прежнему ощущала, что он на меня смотрит, на мою склоненную голову. Этот взгляд тяжел, как могильная плита, и пронизывает меня словно острыми лезвиями, раскаленными на самом конце. Все эти дни нас учили, что Арх (Император) Вахид – наш Хозяин. Нам вколачивали это в головы, в сердца, хлыстами вбивали в плоть и иглами в язык.

И...да. Я ощутила, что он мой Хозяин. Но не так, как нас учили, а по-другому. Он хозяин каждой моей эмоции, каждого биения моего сердца. Да, вот так наотмашь. С первого взгляда. Так не бывает...скажет кто-то. И, возможно, будет прав. Да, так не бывает. Потому что ничего красивого в этом нет, потому что я... стоящая перед ним на коленях, дрожащая от его присутствия и задыхающаяся от преждевременного сожаления, что это ненадолго, жалкое зрелище. Когда-то я читала про смертельный мгновенный яд. Если его выпить, у человека разрывается сердце, и он истекает кровью. И я тоже глотнула такого яда, когда увидела ЕГО. Потому что перестала быть собой. Этот яд отравил каждую молекулу в моих венах и заменил собой кровь. Я смотрю на свои руки в перчатках, они все еще сжимают его сапоги, мое лицо отражается в блестящей поверхности, и я такая...ничтожная. Такая НИКТО.

Мое сердцебиение молотком колотится в горле и в ушах. Мне страшно, мне больно от его близости, и я точно знаю, что больше не смогу быть прежней никогда.

– Встань!

Впервые услышав его голос, тихо застонала, и сердце сладко замерло. Величественный, с легкой хрипотцой, хищный, как и он сам. Меня подняли с колен, но мои ноги дрожали и, казалось, я сейчас упаду.

– Отойди! – отдал команду, но не мне. Руки на моих плечах разжались, и воздух наполнился запахом чужого страха. Ощущать, как кто-то рядом с тобой боится непередаваемо остро. Чужая паника, суеверное преклонение. Ему прикажут вытащить мне сердце из груди или вытащить сердце себе – он подчинится. Почему? Наверное, потому что это не так больно и жутко, как то, что может сделать сам хозяин.

Рука в толстой кожаной перчатке подняла мое лицо. Я бы могла закричать, если бы не онемела именно в эту секунду, потому что увидела его лицо. Разве это красота? Нет...слово красота слишком пустое, слишком безликое. Эти глаза...ничего красивее я не встречала. Сверхсветлые изумруды. Блестящие, как хрусталь, и холодные, как ледяные кристаллы. Большие, с тяжелыми веками, отягощенные длинными черными ресницами. Ровные, идеальные брови, делаю дугу, опускаются к вискам. Резко очерченные ноздри, слегка трепещут...и эти губы в обрамлении аккуратной щетины. Они не просто великолепны – они шедевр невиданного художника. Яркие, сочные, плотоядно чувственные, изогнутые в презрительной складке.

И я могла бы ослепнуть от этой красоты...мне казалось, я слепну и не могу оторваться от этих глаз. От этих зеленых волчьих омутов, по-звериному завораживающих.

Его пальцы на моем подбородке...даже в перчатке жгут кожу, давят на скулы. Жест властный, по-арховски самоуверенный. Так заставляют плебея смотреть на Властителя мира.

– Светлана..., – повторил мое имя, и все мое тщедушное тельце затрепетало от букв, произнесенных его голосом. Слово рука прошла наглой лаской по всему

телу. Заставив затрепетать изнутри настолько эротическим трепетом, что у меня перехватило дыхание.

- На древнем языке архов знаешь, что означает твое имя?

Судорожно сглотнула. Мне казалось, он видит меня насквозь, видит каждую мою эмоцию, видит, как я вся дрожу и...как мне нравится ощущать властные пальцы на своем подбородке.

- Нет...

- Разве я разрешил ответить?

Пальцы сильнее сдавили подбородок, и все мое тело стало ватным.

- Верно...разрешил. Ведь я задал вопрос, а значит, ты должна отвечать. Так вот, твое имя означает Мотылек. Маленький, очень хрупкий мотылек...

Посмотрел поверх моей головы и отпустил мой подбородок, я тут же рухнула на колени у его ног, потому что собственные меня больше не держали. Лишь успела увидеть, как сапоги отдаляются. И ощутить пустоту, как будто до этого его взгляд наполнял все мое существо, владел им, составлял смысл моего существования.

И все? Это конец? Теперь мне отрубят голову, как говорила Манаг?

- Номер Одиннадцать - первый сектор!

Теперь мы стояли группами по несколько человек. Рядом со мной еще три девушки. Перепуганные, дрожащие, как и я. Никто не знает, что означает первый сектор. Никто не знает, куда нас теперь отправят. Может, кому-то эта неизвестность страшна, а я все еще как под гипнозом зеленых глаз. Удивительный цвет...разве в природе бывают такие глаза? Любые оттенки зеленого, но чтоб такие? Я этот цвет видела только у волков.

– Церемония инициации только началась. Сейчас каждая из вас получит свою метку.

Что означало получение метки, я узнала спустя несколько минут, когда меня вытянули на середину круга, поставили на возвышение и, развернув спиной к толпе, содрали с меня верхнюю одежду. Я стояла голая до пояса, прижав руки к груди. От стыда мои щеки стали пунцового цвета. Потому что вся охрана, все эти люди смотрели на меня, включая девушек и саму королеву-мать. Где-то сбоку я услышала голоса, но не видела, кто это разговаривает.

– Отобрал ее себе? Неудивительно. Давно не видела такой красоты среди человечек.

– Мясо.

– Красивое мясо.

– Архбаа отобрала.

– Нет, ОН. Он назвал ее имя.

– Почему ей спустили с рук наглость? Разве ее не должны были казнить прямо здесь и сейчас?

Оба голоса женские. Они говорят позади меня, и я не могу их видеть, но это женщины из свиты Роксаны. Они сопровождали ее, когда она шла к нам.

– Будешь орать и дергаться, сдохнешь уже сегодня!

Голос Манаг заставил съёжиться еще больше, сжаться всем телом. Я не закричала, когда адская боль под лопаткой ослепила меня. По телу прошла волна холода, и сердце несколько раз дернулось, как от удара током. Что это? Что они засунули мне под кожу?

– Номер Одиннадцать, твоя инициация завершена. Метка вошла удачно и находится рядом с сердцем. Номер Одиннадцать теперь принадлежит нашему Государю и носит его букву. Метку нельзя достать, вытащить, испортить. Ее

может убрать только Хозяин. При смерти метка застывает вместе с сердцем, но даже через сто или двести лет ваши останки будут хранить печать принадлежности. Любое удаление от периметра заставит активироваться программу казни. Метка просто уничтожит, сожрет сердце рабыни. Как и при неповиновении. Остальные ваши обязанности вам расскажет манхар Сунаг. Ваша новая наставница.

Потом я видела, что случилось с теми, кого не отобрала Архбаа Роксана. Их согнали в кучу, надели на них магнитные наручники и погнали в сторону черных домиков неподалеку от забора. Девушки истошно кричали, молили о пощаде. Среди них была и Номер Восемь. Когда ее протащили возле меня, она закричала:

– Вы все будете там, все попадете в эти клетки или сдохните под ним. Он не человек... лютый зверь. Зверь. Не радуйся! Ты не избранная! Ты мертвая! Мертваяяяя....! – показывая на меня пальцем. – Не считай себя особенной! Ты сдохнешь первая! Сдохнееееешь! – с какой ненавистью она это проорала, что у меня все тело содрогнулось. Почему она меня ненавидит? Я же была близка с ней. Мы...дружили. Потом я узнаю. Что здесь никто и ни с кем не дружит. Здесь и понятия такого нет, как и о других чувствах. Нет привязанности, доброго отношения, ничего нет. Только исполнительность, покорность, неизменные доносы и слезка друг за другом.

– Сдохнешь! ТЫ!

Ее ударили по голове и потащили уже бесчувственную и окровавленную в сторону сектора семь. Потом я узнаю, что там находится и почему он огражден от остальных.

Через час нас уже кормили роскошным обедом в общей столовой. Все ужасы забылись. Мы никогда не ели что-то более вкусное, чем в тот день. Боль под лопаткой и легкое покалывание еще давали о себе знать. Но она была терпимой. Особенно когда все тело содрогалось от наслаждения невероятно изысканной пищей. О боли никто не думал.

После обеда нас отвели на медосмотр. Хотя мы его и проходили несколько раз перед этим, но теперь все отличалось от того, что было в карантине или

предотборочном центре, где нами командовала Манаг. Она казалась мне исчадием Ада, но я ошибалась. Сунаг превзошла ее во всем. С нас без разговора содрали всю одежду.

– Убрать руки и стать ровно. Можно подумать, я не видела ваши сиськи-письки. Здесь столько таких, как вы, побывало. А ты..., – она пристально посмотрела на меня, – хоть одна наглая выходка, и я прикажу тебя сечь. Беспощадно, до костей. У меня не забалуешь.

В отличие от Манаг, Сунаг была небольшого роста, худая, с темно-рыжими волосами, собранными в круглую гульку на макушке, и в роскошном белом кокошнике с вышитой короной и буквой V сбоку.

– А теперь слушайте наши правила. Все вы не только принадлежите Государю, вы его былинки, вы его крупинки. Вы носите метку с его именем. Вас отобрали в сектор один – это самый главный сектор в доме. Это покои Повелителя. Ваше время с пяти утра и до заката. После заката вы уходите к себе в комнату. Бродить по дому – запрещено. Разговаривать с представителями противоположного пола – запрещено. Я не Манаг. У меня за каждый проступок будет такое наказание, что вы его навсегда запомните. И не злите меня – а то окажетесь в Столовой!

Тогда я еще не знала, что это означает, что такое Столовая и почему оказаться там страшнее смерти.

– Сегодня полнолуние. Сегодня вас закроют в вашей комнате. Выходить после звука «сабара» запрещено, смотреть в окно запрещено. А теперь по одной взбираемся в кресло. Молча и покорно.

Мы переглянулись. Нас уже проверяли в карантине. Зачем ей нужно это делать снова.

– Ты первая!

Ткнула пальцем в блондинку Номер Пять. Она тяжело вздохнула и влезла на гинекологическое кресло, из-за стеклянной ширмы показалась женщина в белом халате, в перчатках. За ней вышла и вторая с планшетом в руках.

Пока блондинку осматривали и что-то записывали, мы молча стояли голые у стены. Я бросила в окно взгляд на черные дома вдалеке. Туда уволокли номер Восемь. Почему ее не выбрали, не знает никто, как и двух других. Чем они отличались от нас?

- Ушить или поставить скобы. Слишком широкая.

- Не надо, госпожа. Не надооо.

- Язык!

- Ммммм....

Я подняла взгляд на перегородку и снова опустила. Что и зачем ушить - не понятно никому, но блондинка плачет, и ее куда-то увели, накинув на нее голубой халат.

- Ты!

Увели еще одну.

- Не девственница!

- Нет...неправда, у меня никого не было. Никогда. Меня же проверяли. Пожалуйста.

- Девственная плева разорвана?

- Нет, цела. Но анус растянут. Были сношения.

- Наказание, а потом в Столовую!

- Нееет! Пожалуйста! Это неправда. Нееееет! Я никогда.... Яяяя...!

- Стража!

Ворвались трое мужчин, скрутили Номер Три и выволокли за волосы из помещения.

- Твоя очередь! - толкнула меня в плечо.

Стало жутко, я набрала в легкие побольше воздуха и шагнула за ширму. Мою грудь и соски ощупали, потрогали спину, бедра, заглянули в рот.

- Месячные регулярные?

Кивнула.

- Зубы здоровые, язык светло-розовый. Немного анемична - выписать витамины. Грудь - размер номер четыре. Соски темно-розовые мелкие, неглубокий пупок. На правом плече родинка, над левым соском еще одна родинка. В кресло!

Взобралась на кресло и зажмурилась, когда мне на живот надавили.

- Зеркало нулевое. Она маленькая.

Что-то холодное скользнуло внутрь, очень неприятно растягивая влагалище, затем так же что-то проникло в анус, и я вся внутренне сжалась.

- Отлично. Хоть одна отвечает требованиям. Поставь десять. Волосы уничтожить на всем теле, родинки вывести. Открой глаза и посмотри на меня.

Я приоткрыла веки, чувствуя себя униженной и раздавленной, все еще с холодной штукой в промежности.

- Секс был? Мужчины трогали?

- Нет.

- Женщины?

- Нет.

- Оргазм испытывала?

- Нет.

- Хорошо. Даже отлично.

Зеркало убрали, и я ощутила облегчение. Спустилась с кресла.

- Одевайся и жди в коридоре.

Одна что-то шепнула другой, и та повернулась ко мне.

- У тебя линзы?

- Что?

- Зрение нормальное или это линзы?

- Нееет. Я хорошо вижу. Линзы не ношу.

Они обе присмотрелись к моим глазам.

- Впервые вижу такие голубые глаза у вас человек.

- Какой бы она стала, если бы...

- Никакой! Они не становятся уже несколько веков как! Все! Иди!

Глава 5

Я не люблю его каждой бабочкой, порхающей в моем животе, каждым судорожным вздохом, стоном или криком дикого наслаждения. Я не люблю его сжатыми до хруста пальцами и искусанными до крови губами. Я не люблю его,

как мотылек не любит смертельный огонь, на который летит вопреки всем доводам рассудка...потому что такова его участь... Я не люблю... я повернута на нём, больна им, заражена, отравлена, взята в плен, поставлена на колени...и он знает сам, КАК БЕЗУМНО я его не люблю...

Чувствует, как и я его...Словно я пришта, и каждое движение, в попытке отдалиться, разрывает кожу и мне, и ему.

(с) Ульяна Соболева. Позови меня

В тот вечер я впервые услышала звук сабара. Это была сирена. Не в привычном смысле этого слова, а музыка. Монотонная, тягучая, ударяющая по нервам и в то же время красивая, классическая, но мне незнакомая.

Все заторопились по своим комнатам. Это была не паника, но что-то очень быстрое, хаотичное, торопливое. То, как люди разбежались по углам. И мы к себе в спальню пошли, пока еще ничего не понимая и оглядываясь по сторонам, через секунды нас догнала Сунаг. Кокошник на ее голове горделиво торчал вверх, как огромный корабль, и серая накидка на плечах тряслась в такт ее шагам. Из-за худобы и низкого роста она напоминала мне старую ведьму.

- В темпе! В темпе! Ползут они! Когда стихнет сабар, все комнаты будут закрыты! Вам будет некуда сунуться! Замки закроются автоматически на дверях и на окнах! Идут они еле-еле! Как будто у них есть все время этого мира. Жить надоело?

Мы поторопились, придерживая в руках свои вещи, пакеты с одеждой. Из моего сектора я осталась одна. Номер Три изгнали, а номер Пять увели в лазарет. Что с ней там делали - неизвестно никому. Я даже боялась себе представить, что означает «ушить», и в каком месте это сделают. Оставалось радоваться, что мне ничего ушивать не надо. А свести родинки...ну это пустяк. Хотя мне все в себе нравилось, в том числе и мои родинки.

Сабар продолжал выть.

- Вот ваша комната. Пошевеливайтесь!

Мы оказались в одном помещении с девушками из секторов два и три. Но вместо девяти нас осталось шестеро, а точнее, пока четверо. Двоих из нас не было. Едва успели переступить порог комнаты, как дверь захлопнулась, опустились железные жалюзи. Щелкнули замки и слева, и справа. На дверях и на окнах.

Сабар стих. И вместе с ним стихли все звуки вообще. Воцарилась не просто тишина, а нечто невообразимо сумеречно глубокое.

На столе нас ждали свечи и подсвечники, зажигалка. Но увидели мы их, только когда привыкли к темноте.

– Что это значит? – спросила одна из девушек.

Что-то пикнуло, и на стене включился фиолетовый датчик. Значит, разговаривать по-прежнему нельзя. Что за idiotские правила! После девяти вечера не разговаривать. Можно подумать, что до девяти нельзя наговорить всякого дерьма друг на друга или о них.

«Так вас учат сдержанности. Вы должны следовать букве закона этого дома. Низшим запрещено говорить после девяти. Вам вообще запрещено болтать! Это для вашего же блага, поверьте!»

Вспомнились слова Манаг.

Высокая, темноволосая девушка подошла к столу и тихо зажгла свечи, вставила их в подсвечники. Мы молча заняли свои кровати, принялись раскладывать вещи по полкам в маленьких тумбочках.

Эта комната была приятнее и красивее той, после карантина. Здесь были окна, мебель, красивые люстры, ковры, и наши кровати не казались железными нарами в тюрьме. Я видела, как девушки переглядываются, как трогают мягкие подушки, снимают покрывала с постелей, раздеваются.

Нам выдали одежду для сна – длинные ночные сорочки белого цвета, украшенные кружевом по низу, и по горловине, и рукавам. У каждой на груди нашивка с номером. Можно подумать, ночью это так важно... Наивная. Я думала, что ночью нас никто и никогда не тронет.

Одна из девушек протянула мне маленький томик. Я непроизвольно взяла «Джейн Эйр». Она была у меня дома. Именно эта книга. Одна из самых любимых, затертая до дыр. Вместо спасибо кивнула и с улыбкой положила книгу на подушку. Девушка, которая отдала мне книгу, чуть выше меня ростом, худенькая блондинка с нежной кожей и кукольным личиком. Сама она устроилась на постели и открыла другую книгу. Интересно, откуда они у нее здесь? В библиотеки и по магазинам нас не водили. Своего ничего с собой не было. Или это у меня не было? Судя по ее номеру, она не с нами. Номер Двадцать Один «Д». И в карантине я ее не видела, как и двух других девушек с номерами девятнадцать и пятнадцать на одежде. Когда-нибудь я пойму, каким образом здесь ведется отчет. Я поставила свечку на тумбочку, устроилась на подушках и открыла книгу.

Снаружи слышались какие-то звуки. Вначале это напомнило легкое шуршание, а потом показалось, словно нечто огромное ходит по снегу во дворе.

Наверное, это собаки. Выпустили бегать по периметру. Так делали в доме, где я работала на кухне. Выпускали собак. Я снова посмотрела в книгу, перелистнула страничку, как вдруг раздался чей-то крик, и шуршание по снегу стало более явственным и отчетливым. Я приподнялась на постели. Блондинка продолжала читать. Они что, не слышали? Или предпочитают не обращать внимание?

Ужасно захотелось посмотреть в окно, и я встала с кровати, босиком прокралась к стене, придерживая в руке свечу. Но окно снаружи было наглухо закрыто железной пластиной. Я попыталась ее открыть, но меня схватили за руку. Это снова была блондинка. Она отрицательно качнула головой. Снаружи снова закричали, и я выдернула руку. Какие же они все здесь трусливые и бесчувственные! Кому-то нужна помощь! Кто-то попал в беду! Дернула шпингалет на окне и попыталась поднять пластину. Но она намертво вросла в пазы. Сбоку есть ручка. Я несколько раз ее подергала, но она не поддалась.

Блондинка развернула меня за плечо и покрутила пальцем у виска. Она начала закрывать окно, а я ей не давала это сделать. Мы тихо боролись. Пока окно не захлопнулось мне на пальцы, и шпингалет не поранил мне руку до крови. Как в замедленном кадре капля моей крови упала на ковер, и блондинка взглядом проследила за ней, а потом расширенными от ужаса глазами посмотрела на меня. Бросилась в постель и укрылась с головой. Хруст снега за окном стал явственней. Он словно приближался, а потом раздался ужасный оглушительный звук, и окно сотрясло, как от удара.

Девушки всхлипнули, а я с диким страхом смотрела на дергающуюся пластину. На ней появились вмятины, и ее словно кто-то пытался выдрать снаружи. Тяжело дыша, я смотрела на оставшиеся следы. Из-за окна доносилось утробное рычание...оно напоминало рычание огромного хищника.

Наша комната на втором этаже...собаки сюда не допрыгнут.

На какое-то время все стихло. С трудом хватая воздух, все смотрели на окно, как вдруг что-то огромное ударило в дверь. Один раз, еще один, сотрясая всю комнату. Номер Двадцать Один бросилась ко мне с каким-то бутылком в руках, она вылила его содержимое мне на рану, потом быстро перебинтовала ее, оторвав кусок от своей простыни.

Удары в дверь прекратились. Раздались звуки как будто нечто невероятно мощное, нечто или некто принохивается к воздуху. Но теперь всю комнату наполнил удушливый аромат роз.

Раздался оглушительный рык, скрежет когтей и отдаляющийся топот.

Блондинка выдохнула, а потом дала мне пощечину. От неожиданности я чуть не заплакала, а она отвернулась от меня, укрылась с головой, и лишь сейчас я увидела, как мелко она дрожит от ужаса, как намокла на спине от пота ее ночнушка.

Уснула я только под утро. Всю ночь, пока не погасли свечи, я смотрела на вмятины...на железном заслоне. Вмятины, похожие на следы чьих-то гигантских лап.

Глава 6

Смотрю в его глаза, своими затуманенными от слез и понимаю... что ДО – это еще не было рабством. ДО еще была свобода. Свобода сердца, души. Больше я не свободна. Я зависима... потому что, глядя в его глаза прочла свой приговор и это не тот приговор, которые читали Нихилы в глазах своих Хозяев, я прочла приговор своей воле. Рабство начинается не с метки на одежде и чипа под

кожей, рабство начинается тогда, когда понимаешь, что готова сама стать на колени и склонить голову... когда твоя душа уже на коленях.

(с) Ульяна Соболева. Позови меня

Я провела там больше двух недель. Они были похожи одна на другую. Подъем в пять утра, умывание, одевание, легкий завтрак и уроки до полудня. Первые дни мы изучали этикет в доме Архов. Теперь я запомнила, что император и его мать называются Арх и Архбаа. На каком это языке? Не знает никто, и ответа на этот вопрос просто нет. Возможно, он имеется в тех книгах в огромной библиотеке. Книгах, написанных на неизвестном мне языке. В черном переплете с золотым тиснением. Мы учили наизусть что можно, а что нельзя делать таким, как мы. Они называли нас – Эскамы. Потом, спустя время, я узнаю, что это значит – мясо. Слово на латыни. Мясо – рабы. Даже хуже – предметы обихода. Нас пятеро, и мы все принадлежим Арху Вахиду. Есть эскамы Роксаны, а также Архан – Азизы, Асмы, Анисы и Айше. Это младшие сестры императора. А также эскамы наложниц...Наложницы. Они мне казались неземными существами, которые обитают чуть ли не в самом поднебесье. А еще...еще меня сжигала адская зависть. Эти женщины имели право касаться ЕГО, видеть вблизи, целовать его руки и ноги...принадлежать ему. Он занимался с ними сексом...

Я бы, наверное, умерла от одного касания его пальцев к моей коже. Умерла от счастья. Но мне никогда не оказаться на их месте. Я жалкая эскама. Все, на что я могу рассчитывать, это видеть его издали...Иногда эскамы ложатся в постель государя, и это считается высшим благом, самым высшим счастьем для раба. Но ночь любви с господином становится последней для эскамы. После этого она умирает. Никто не рассказал мне, почему и что именно убивает несчастную.

Но говорят, что уже много лет Арх не берет девушек-эскам для утех в свою спальню.

Больше всех я сдружилась с блондинкой, с номером Двадцать Один. В прошлой жизни ее звали Ари. Я знаю, мы больше не имели права называть друг друга по именам, но все равно делали это, когда никто не видел и не слышал. Никто не может запретить нам оставаться людьми. И произносить вслух свое имя – это непередаваемое удовольствие. Как будто осталось хоть что-то, что принадлежит только тебе.

– Ты такая лучезарная, такая светлая. Как будто вся эта тьма, что происходит с нами здесь, не коснулась тебя.

Ее пальцы расплетали мои волосы. Отбой еще не начался, и нам еще можно говорить. И мы с Ари расчесывали друг другу волосы и снова заплетали их, чтобы сделать то же самое утром. Иллюзия заботы и привязанности. Без них здесь не выжить.

– Твои волосы, как нежный шелк, они цвета золотистого липового меда, который настоялся и засахарился. Он кажется шелковым или бархатным и блестит на солнце. Я сама с Севера. У родителей были свои улы. И глаза у тебя...как небо северное. Днем. В самый морозный и солнечный день оно становится ярко-голубым и очень светлым. Я никогда не видела такого цвета у человека. Мне кажется, тогда...там Арх заметил тебя. Он назвал тебя Мотыльком. Мы все это слышали.

– Кому, на хрен, нужны ее глаза? Кто тут на них смотрит? Назвал Мотыльком. Тоже мне достижение. Всех мужчин интересует, сколько ты вынесешь, и какова величина твоей дырки, и как умело ты можешь сжимать мышцы влагалища, когда твою целку порвет хозяин.

Миранда расчесывала роскошные черные кудри и любовалась своим отражением в небольшом зеркале.

– А еще, насколько хозяину понравится твоя задница. Кстати, ею ты тоже должна уметь пользоваться, как, впрочем, и руками, и ртом.

Она мерзко и пошло пошевелила высунутым языком.

– Кому она нужна, замухрышка бесноватая! Огрызается Архбаа. Роксана никогда и ничего не забывает. Рано или поздно она ей это припомнит...как номеру тридцать три «А». Помнишь ее? Кажется, ей вначале отрезали кусок языка...а потом по одному пальцу за каждую букву в слове, которое ей не разрешали произносить.

Снова провела расческой по волосам и тряхнула роскошной шевелюрой.

- Можно подумать, твоя задница чем-то лучше остальных! – огрызнулась Ари.

- Говорят, что когда-то в древности Арх дал свободу рабыне, а потом сделал ее своей женой.

Ари расхохоталась.

- И ты считаешь, что господин заметит тебя?

- Почему бы и нет?

Вздернула острый подбородок и провела руками по тонкой талии и высокой упругой груди.

- Я ублажу его так, как ни одна из его сраных наложниц. Так что не обольщайся, ты! Долбаный и ободранный мотылек.

Она зыркнула на меня миндалевидными черными глазами.

- Тебе не светит!

Ари запустила в нее расческу, и в этот момент включился лазерный луч. А это означало – нам нужно замолчать. Потом, утром, когда мы вместе сядем за стол в столовой, Ари прошепчет мне на ухо:

- Берегись ее. Она подлая сука. Когда-то из-за нее пострадала девушка. При ней ничего не рассказывай. Донесет Сунаг, и мало не покажется. Отправят в Столовую...

- Что такое столовая? На кухню, что ли, отправят? Там работа тяжелее?

- Нам запрещено об этом говорить. Но оттуда никто уже не возвращается. А еще...она права. Будь учливой с архбаа и моли Бога, чтоб она забыла о твоей дерзости.

В этом доме много господ, и мы обязаны слушаться их и поклоняться им, но нашу судьбу никто не может решить без приказа самого Вахида.

За все это время я ни разу его не видела. Но я прикасалась к вещам, которые ему принадлежат, убирала в его комнатах, кабинете. Мыла окна в его спальне.

Здесь не было такого понятия, как генеральная уборка – здесь она каждый день. Мы начищаем до блеска каждую ручку на шкафчике, убираем каждую ворсинку с ковра.

И я внутренне инстинктивно знаю, когда именно нахожусь в его покоях, когда складываю именно его вещи. По запаху, по дрожи, которая проходит электричеством сквозь все тело. Присутствие Вахида что-то меняет в окружающей меня ауре. Как будто те предметы, которых он касался, носят на себе печать его пальцев, и я завидую им – они так просто могут ощутить его касания, не принеся в жертву абсолютно ничего. А я... я готова принести в жертву свою свободу и даже не мечтаю вырваться из этого проклятого места. Еще я всегда точно знала, что ОН вернулся домой. Каким-то звериным чутьем. Даже не выглядывая в окно. И пусть нам запрещено приближаться к арху, пока он сам не позвал жалкую эскаму к себе, я жаждала увидеть его силуэт хотя бы издалека. Но обычно Вахид приезжал домой лишь под вечер, и моя смена еще ни разу не прислуживала ему за столом. Новичков близко к хозяевам не подпускали, пока не будет пройден полностью первый курс обучения. В том числе и сексуальное просвещение. У нас еще не было ни одного урока. В отличие от тех, кто находился в доме больше полугода.

В тот день я убирала в комнате Арха. Это был обычный ритуал. Ежедневный и совершенно привычный. Я знала, что не имею права прикасаться к вещам господина, но никогда не могла удержаться и трогала его вещи своими пальцами...без перчатки. Чтобы коснуться их там, где касался он. Кто-то назовет это безумием. Я же видела его вблизи только раз. Но вы когда-нибудь заболели вирусом только с третьего раза? Разве он набрасывался на вас не от одного контакта? Самого первого и единственного? И я ощущала себя больной, заразившейся смертельной болезнью. Каждая молекула моего тела пропиталась одержимостью. Или мне просто было не суждено любить самой обычной любовью смертных. Моим самым любимым развлечением было убирать в его кабинете. Там, где каждая мелочь пропиталась присутствием Хозяина. Но больше всего я любила рассматривать одну вещицу...можно сказать, ради нее я всегда стремилась попасть в кабинет.

В тот вечер я опять открыла золотую шкатулку с выбитыми на ней инициалами Арха. В ней хранился амулет с его портретом. Он был сделан под старину в винтажном стиле, как будто его изготовили лет пятьсот назад, если не больше, и внутри скрыто изображение хозяина. Как же дьявольски он красив здесь. На нем старинная одежда, у него длинные волосы, собранные в хвост на затылке. Портрет инкрустирован изумрудами, и глаза хозяина украшены мелкими, как крупинки, камнями, отчего кажется, что они светятся в темноте. Сама крышка амулета сделана в виде головы волка. И я могла долго рассматривать черты лица Арха. Трогать кончиками пальцев словно вырезанные из мрамора скулы, проводить по ровной линии идеального носа.

Сунаг тогда появилась из ниоткуда. Она всегда появлялась как черт из табакерки. Я сунула медальон в карман, но не успела поставить шкатулку, а уронила ее на пол. Манхар замахнулась указкой и ударила изо всех сил по рукам.

– Никогда не смей прикасаться к вещам Хозяина!

– Я вытирала пыль..., – опустив взгляд и сжимая руки в кулаки, стараясь не сосредотачиваться на боли от удара. К ним надо привыкнуть иначе здесь не выжить.

– Язык! Кто разрешал отвечать?

Стиснув кулаки, позволила ей уколоть язык иголкой, вздрогнув всем телом.

– Запомни – ты не имеешь право трогать то, что принадлежит хозяину! Особенно пока не окончила первый курс!

Она поставила шкатулку на место, как вдруг раздался голос Миранды.

– Она украла медальон. Он у нее в кармане.

Я судорожно сглотнула, а Сунаг уже выдергивала из моих карманов все, что там было. Пальцы впились в золотую цепочку, и сердце зашло от ужаса, когда я встретилась с округлившимися глазами Сунаг.

- СТРАЖА!

- Я не воровала. Я...просто взяла посмотреть. Я...

Меня тащили по коридору, но я упиралась, хваталась за стены, за перила лестницы. От ужаса у меня зашлось сердце и скрутило пальцы. Я помнила, что сделают со мной за воровство. Голос Наставницы Манаг явно звучал в голове. В тот самый первый день, когда она озвучивала нам правила...Но я ни разу не видела тех, кого наказали таким образом. Не видела людей с отрезанными руками, ногами. Пока не видела. Сколько всего у меня все еще пока не случилось. Я только в самом начале пути, а может быть, уже и в самом конце. Кто знает, что со мной сделают за то, что я взяла этот медальон. Но...я бы взяла его еще раз. Это была единственная возможность ЕГО видеть вблизи. Но мне и в голову не приходило украсть. Да и зачем? Что делать с ворованным здесь в стенах этого дома?

- Пожалуйстааа! Я не крала!

- Заткнись! За эти вопли тебе отрежут язык! Кто давал тебе право орать в этом доме?!

Сунаг вышагивала впереди всех. Она подпрыгивала от явного задора, от возбуждения и от предвкушения. Ни для кого был не секрет – она любила смотреть на казни, любила лично придумывать наказания и смотреть, как их исполняют. Она впитывала в себя крики боли и страданий, а ее лицо покрывалось румянцем и глаза сверкали от наслаждения. Самые изощренные пытки придумывала именно эта женщина. Ее боялись все эскамы и даже охрана. Сунаг была эскамой Роксаны, и все об этом знали. За глаза называли любимым ядовитым питомцем архбаа.

- В карцер ее, в подвал! До решения! Без еды и воды! В кандалы и на цепь! Как псину!

- Не надоооо! Господи... я ни в чем не виновата, я только трогала без перчатки...не надооо. Это же проступок, а не преступление.

– Что здесь происходит?

ОН появился из ниоткуда. Словно материализовался из самой темноты длинных коридоров, а позади него молча стоит свита, расставив широко ноги и зажав руки за спиной. Это были доли секунд, когда я посмотрела ему в лицо. Вы когда-нибудь смотрели на солнце? Эта попытка стоила того, что вы видели? Боль и жжение в глазах, желание заплакать от невиданной красоты и от обжигающего света, и темные пятна, прыгающие и застилающие зрение еще какое-то время. Я словно прикоснулась к солнцу и чуть не застонала, когда светло-зеленая бездна вспыхнула изумрудными сверхновыми, заставив меня вздрогнуть всем телом. За мою дерзость. За то, что посмела взглянуть на него...Но если я и так умру, то почему не могу увидеть ЕГО перед смертью?

– Господин!

Все склонили головы, а меня швырнули на колени. Я проехала вперед и замерла у самых носков сапог. Наклонилась и прижалась к ним губами. Как было положено. Тяжело дыша и слыша биение собственного сердца. Глаза все еще болят и невыносимо хочется смотреть еще, чтобы их так же жгло, чтобы так же сходить с ума от этой красоты. Нет...человек не может быть настолько прекрасен. И тут же ослепляет сожаление – почему тогда я всего лишь ничтожный человек.

– Эта эскама – воровка. Ее ведут в темницу до первого суда и вынесения приговора.

– Я не воровала!

Меня ударили ногой по ребрам, и я упала ниц перед Повелителем. Вслед за мной рухнул кто-то еще. Вначале просто на колени, а потом на пол животом, и я увидела широко раскрытые глаза. Мертвые глаза одного из стражников. Судорожно глотнула раскалившийся воздух. За что и почему он умер? Что произошло за эти доли секунд, в которые я ловила ртом воздух от боли после удара.

– Говори! – голос, от которого начинает дрожать все тело и заходиться душа.

Точно знала, что эти слова обращены ко мне. Глядя на начищенные до блеска носки сапог, глубоко вдохнула.

– Я...ничего не воровала. Просто испугалась, когда вошли, и спрятала в карман...Я знаю, что нельзя рассматривать и трогать, я готова понести за это наказание, но я не воровала.

– Что ты рассматривала, эскама?

Протянула вверх дрожащую руку со свисающей цепочкой и медальоном, не смея поднять голову, продолжая смотреть на собственное отражение в зеркальной чистоте сапог. У меня из рук забрали медальон, и какое-то время было очень тихо.

– И что ты там увидела интересного?

– Вас... – голос дрогнул, и я вдруг ощутила, как меня взяли за локоть и поднимают с пола. Все тело не просто дрожит, а мне кажется, я дергаюсь в приступе лихорадки и боюсь даже представить себе, на какое чучело сейчас похожа. С растрепанными волосами, без кокошника, с порванными чулками и залитым слезами лицом. Уродка.

– Посмотри на меня!

Отрицательно качнула головой, кусая губы.

– Тебе хватило наглости трогать мои вещи и рассматривать мое изображение, а смелости посмотреть мне в глаза не хватает? Я сказал, смотри мне в глаза! Ты же не хочешь остаться без своих?

Медленно подняла взгляд и ощутила, как в ту же секунду на нереальной скорости меня столкнули вниз с пропасти в самое пекло. Слишком близко. Настолько близко, что у меня кружится голова, и, кажется, я сейчас потеряю сознание. Его лицо словно высеченное из камня не отражает ни одной эмоции, но оно настолько красивое, что мне кажется, я вижу перед собой нечто божественное или дьявольское. И этот аромат...запах свежего ветра, снега, свободы и безграничной власти.

Вблизи эти глаза не просто изумрудные, они прозрачно-светлые с темной каймой по краю радужки и широкими черными зрачками. Кажется, что они светятся изнутри, настолько этот цвет яркий и редкий.

- Зачем ты взяла медальон? Говори правду!

- Я...всегда его беру, когда убираю в кабинете. Мне...мне нравится на него смотреть. Вы...вы можете увидеть в камеры. Они же там есть...

Пальцы, сжимающие мой локоть, сжались еще сильнее, так, что стало невыносимо больно, но я бы не посмела и пикнуть.

- Почему? Зачем тебе смотреть на медальон и не хотеть его украсть? В чем смысл?

- Мне не нужно смотреть на медальон...и сам медальон мне не нужен.

- Тогда зачем?

- Я смотрела на вас.

И снова в глаза так, что дух захватило и заломило кости от отчаянной смелости и понимания, что меня ждет за это признание. Сильные пальцы разжались.

- Пусть номер одиннадцать продолжит работу в доме!

Переступил через труп стражника и пошел вперед по коридору вместе со своей охраной. Только сейчас я увидела в шее стражника рукоять ножа с головой волка на конце и сверкающими изумрудами глаз. Посмотрела вслед Арху и увидела, как он кладет медальон в карман своего пальто и быстро спускается по лестнице вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/soboleva_ul-yana/volch-ya-krov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)